

Хо Янь скользнул взглядом по нему, затем перевёл его на стражей позади — взгляд был полон бесконечного сострадания: «В следующей жизни постарайтесь переродиться получше. Если станете воинами — приходите в Армию Стражей Севера».

Ю Дачунь взбеленился: «Я и их убивать не собирался!»

Сцена вышла до смешного нелепой, но Гу Тин сохранял полное спокойствие. У Фэн же едва не прыснул со смеху. Наконец-то он понял, откуда та странная гармония между князем и его господином: в искусстве выводить людей из себя они были равны!

Но когда же его господин успел сблизиться с князем? У Фэн переводил взгляд с Гу Тина на князя, но истоки этой связи уловить не мог. А ведь он всегда был рядом, никогда не отлучался!

Тем временем Ю Дачунь уже не выдерживал. Он ткнул пальцем в сторону Гу Тина: «Я хочу убить его! Теперь ты понял? Ясно?»

Хо Янь сузил глаза. Вся прежняя небрежность исчезла. В его руке возник меч, и он мгновенно преобразился: «Я полагал, все понимают одну простую истину».

Сердце Ю Дачуня заколотилось. Невольно он спросил: «Какую истину?»

Хо Янь посмотрел на него, как на мертвеца: «Тот, кто осмелится поднять клинок на моего человека, — умрёт».

Без предупреждения он бросился в атаку. Два быстрых удара — и стражники Ю Дачуня рухнули на землю. Затем, сменив траекторию, меч устремился прямо к горлу самого Ю Дачуня!

Тот в ужасе закричал своим людям и пополз назад, спасаясь бегством.

Для Гу Тина это была вторая возможность видеть Хо Яня в бою. Он был жесток, яростен, куда опаснее, чем в схватке с Мэн Цэ. Его удары — мощные, прямолинейные, каждый нацелен на смерть. Никаких изящных увёрток, только грубая сила, сокрушающая всё на своём пути.

Гу Тин удивился, но тут же понял: так и должно быть. Это и есть Хо Янь. Из этой схватки он мог понять, как князь тренируется и сражается. Он был отважен, неудержим, полон непоколебимой решимости и мощи, которая заставляла врагов сдаваться.

Этот Хо Янь был непохож на того, что ведёт тонкие игры. Его глаза были прикованы к врагу, взгляд безошибочно находил смертельные точки. Взгляд — жестокий, сосредоточенный, но в то же время... невероятно притягательный. Этот мужчина излучал мужественность, ту самую, что присуща лишь настоящим воинам. Это было завораживающе и опасно.

Но помимо этой привлекательности Гу Тин заметил кое-что ещё: Хо Янь на мгновение обнажил запястье, и на нём мелькнула толстая повязка.

Его движения ничуть не замедлились — значит, не рана и не причиняет боли. Что скрывалось под повязкой, было очевидно.

Сердце Гу Тина сжалось.

Так вот почему он не вернулся.

Ю Дачунь дрожал от страха, опуская меч: «Я опустил! Честно, опустил! Хватит, прошу!»

Меч Хо Яня всё же слегка задел его, и князь снова извинился — совершенно без тени искренности: «Прошу прощения. Давно не воевал — рука дрогнула».

Ю Дачунь был в ярости: «Ты знаешь, как он только что наглед? А ты его защищаешь! Ты знаешь, что из-за его дерзости ты сам пострадаешь? Кто вообще дал ему такую смелость?»

Последние слова он прошипел, яростно глядя на Гу Тина.

Хо Янь снова шагнул вперёд, заслонив его собой. Он с жестокой силой загнул вытянутый палец Ю Дачуня: «Я дал. Есть возражения?»

Тот почувствовал, как пальцы онемели от боли, но спорить больше не смел. Хо Янь и вправду был способен убить.

«Ты... ты ещё пожалеешь!»

Бросив Гу Тину эту угрозу, он ушёл со своими людьми.

Когда посторонние наконец исчезли, Гу Тин и Хо Янь посмотрели друг на друга. После короткой паузы они начали одновременно: «Ты...»

Гу Тин слегка сжал губы и сделал шаг вперёд: «Ты —»

Хо Янь, словно кот, увидевший собаку, резко отпрыгнул, да ещё и на приличное расстояние: «Не подходи!»

Гу Тин:...

Спустя мгновение он всё понял и не смог сдержать улыбки: «Трупный яд передаётся только от мёртвых к живым. Между живыми заражения не происходит».

Хо Янь замер: «Не передаётся?»

Гу Тин кивнул: «Мэн Чжэнь и группа врачей исследовали это. Они сказали...»

Его слова оборвались, потому что Хо Янь уже шагнул вперёд и крепко обнял его.

«Прости. Я ошибался». Голос Хо Яня был тихим и хриплым.

Это объятие было таким сильным, а голос — таким полным боли, что у Гу Тина навернулись слёзы. Он положил подбородок на плечо Хо Яня и посмотрел на небо над границей. Оно было таким же бескрайним, как в Цзююане, но выше и глубже — точно как объятие этого мужчины.

«Я не ждал тебя».

Я пришёл к тебе.

Хо Янь обнял его ещё крепче: «Это моя вина».

Но, казалось, это длилось лишь мгновение, потому что его руки тут же разомкнулись: «Спасибо, что защищал мой дворец и Цзююань».

Он отступил слишком быстро, и дистанция между ними стала странной. Гу Тин не успел это обдумать, решив, что это было просто братское объятие без лишних чувств, и с лёгкой

усмешкой ответил: «Но одного "спасибо" мало».

На фоне бескрайнего неба и ледяного ветра человек перед ним улыбнулся.

Хо Янь вдруг вспомнил одинокую сливу в укрепленном форте. Солдаты, тоскующие по дому, твердили, что в гарнизоне нет ни тепла, ни красок. Кто-то когда-то привёз тонкую ветку и посадил её во дворе. Год за годом она росла, но не цвела. А в прошлом году расцвела — и воины сбежались посмотреть. Цветы были нежно-розовыми, хрупкими, но невероятно стойкими. Они раскрывались на ветру, на морозе, а под снегом становились лишь ярче, затмевая собой всё вокруг.

Сейчас он чувствовал то же самое.

Северные Ди, воспользовавшись помощью семьи Чжан из Юньчжуна, напали на Цзююань. Все подробности той битвы он уже знал, донесение выучил почти наизусть. Все говорили, что Гу Тин утончён, талантлив и невероятно красив, — но он никогда этого не видел.

А сейчас, в этой улыбке, увидел.

Одного взгляда хватило, чтобы ощутить всю его изысканность и лёгкость.

В этом мире есть настолько прекрасные сливы. И настолько прекрасные люди.

«Тогда как... как мне тебя отблагодарить?»

Хо Янь даже не заметил, как запнулся, и как голос его стал хриплым.

Гу Тин задумался, затем с улыбкой посмотрел на него: «Хм... скажу, когда придумаю». Он сделал шаг вперёд: «Ты —»

Хо Янь тут же отпрянул.

Гу Тин прищурился: «Я что, чудище какое? Я же сказал — между живыми яд не передаётся».

Он снова шагнул вперёд — без особой цели, просто расстояние между ними было велико, а ветер здесь резал ледяными лезвиями. Неужели приятно говорить, глотая этот воздух?

Хо Янь снова отступил.

Гу Тин:...

Минуту назад он был таким смелым! Осмелился обнять, а теперь что — стесняется? Князь — Страж Севера, и он такой застенчивый?

Гу Тин чувствовал, что атмосфера стала странной. Вроде бы он был тем, кто преодолел долгий путь и перенёс все трудности, а теперь другой вёл себя как обиженная невеста, нервничая и манерничая...

«Я провожу тебя к себе».

Хо Янь вдруг развернулся и зашагал вперёд, указывая путь. Походка его не была поспешной, но в ней чувствовалось нечто вроде бегства.

Гу Тин невольно приподнял бровь. Что с ним такое? Он никак не мог понять мотивы Хо Яня.

У Фэн сзади тихо дёрнул за рукав солдата, прошептал: «Князь в бою ранен? Почему он ноги расставил?»

Тот тут же нахмурился: «Сам ты ноги расставил, и вся твоя родня! Наш князь в полном порядке, он среди сотен тысяч врагов как рыба в воде — разве может быть ранен? Князь в идеальном состоянии, не лезь со своими глупостями!»

У Фэн молча стёр брызги слюны с лица. Минуту назад они были как братья, договорились вечером выпить и мяса поесть, а теперь, стоило заговорить о князе, — всё изменилось. Он ведь не хотел ничего плохого...

Остаток пути У Фэн внимательно наблюдал за Хо Янем и заметил: ноги расставлены были лишь короткое время, затем походка вновь стала прямой и уверенной. Ноги — длинные, сильные, полные мощи. Выглядел он мужественно и благородно, одновременно круто и красиво.

Так почему же тогда он...

Слуга посмотрел на своего господина, но тот, похоже, тоже ничего не понимал.

<http://bllate.org/book/16279/1466321>